

ков позволяет рассмотреть функционирование института губернаторства на территории Таврической губернии и проследить разноплановую деятельность губернаторов в начале XIX века.

Ссылки

1. Аксаков С.Т. Воспоминания С.Т. Аксакова о Д.Б. Мертваго: Письмо к В.Б. Безобразову, 20.01.1857 // Автобиографические записки Д.Б.Мертваго, 1760-1824. – СПб., 2006. – С.7-13.
2. Вайтацци М.П. Боль минувшего // Исторический вестник. – 1913. – № 4. – С. 29-40.
3. Вайтацци М.П. Боль минувшего // Исторический вестник. – 1913. – № 1-5.
4. ГААРК, ф. 26, оп. 1, д. 534, л. 12.
5. Там же, ф. 26, оп. 1, д. 520, л. 3.
6. Там же, ф. 26, оп. 1, д. 539, л. 11.
7. Там же, ф. 26, оп. 1, д. 539, л. 24.
8. Там же, ф. 26, оп. 1, д. 542, л. 80.
9. Там же, ф. 26, оп. 1, д. 539, л. 101.
10. Там же, ф. 26, оп. 1, д. 565, л. 11.
11. Лопухин И.В. Записки некоторых обстоятельств жизни и службы действительного тайного советника, сенатора И.В. Лопухина, сочиненные им самим. – М., 1884. – 158 с.
12. Макидонов А.В. К светской и церковной истории Новороссии. 2-е издан.: исправленное и дополненное. – Запорожье, 2006. – 116 с.
13. Мертваго Д.Б. Записки Д.Б. Мертваго (1760-1824) // Русский Архив. – 1867. – № 8, 9.
14. Мертваго Д.Б. Записки (1760-1824) / Д.Б. Мертваго – СПб., 2006. – 368 с.
15. [Мертваго Д.Б.] Описание Таврической губернии, учиненное в 1807 году сенатором Мертваго. – Б/м, Б/г. – 12 с.
16. Полное собрание законов Российской империи. – Т. 27. – СПб., 1830.
17. Проект «Правил» управления мусульман Крыма Д.Б. Мертваго 1805 / Публ. Д.Ю. Арапова // Сборник Русского исторического общества. – М., 2006. – Т. 10 (158): Россия и Крым. – С. 175-180.
18. Сочинения Г.Р. Державина / Я. Грот. – СПб., 1872.
19. Сумароков П. Досуги крымского судьи, или второе путешествие в Тавриду. – кн. 1-2. – СПб., 1805. – 226с., 238с.
20. Сумароков П. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году. – М., 1800. – 244 с.

Кравчук О.С. Джерела для вивчення інституту губернаторства в Таврійській губернії на початку XIX ст.: до визначення проблеми

У статті розглянута джерелознавча база інституту губернаторства в Таврійській губернії на початку XIX століття. Зроблено спробу класифікації архівних документів, зокрема фондів Таврійського губернатора та Губернської канцелярії Державного архіву в Автономній Республіці Крим. Проведено аналіз інших джерел, що висвітлюють це питання (мемуари і спогади). Дана їх стисла характеристика.

Kravchuk A.S. Some sources for investigation of the institute of governorships at Taurida province at the beginning of the XIX century to determination of the problem

This article contains a review of the source-studying base of the governorship institute in Taurida province at the beginning of the XIX century. An attempt to classify the archival documents was undertaken. Particularly, a conclusion was drawn about the funds' state of Taurida governor and principal chancellery of the national archive in Crimea. The analysis of the other sources illuminating this issue, such as memoirs and reminiscences, was also carried out. Their brief characteristics were represented.

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ КРЫМСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ПО ИЗУЧЕНИЮ КРЫМА (1922-1932 гг.)

На основании анализа публикаций членов Российского общества по изучению Крыма Б.Н. Засыпкина и С.Д. Ширяева представляются авторские концепции 20-х гг. XX в., посвященные истории развития крымской архитектуры в средневековый и имперский периоды. Показаны закономерности сосуществования архитектурных стилей и заимствований, зависимость развития архитектуры от специфики экономического потенциала и уровня развития различных форм хозяйствования.

Одной из актуальных тем в контексте восстановления объективной истории изучения Крыма является реконструкция вклада научных сообществ разного уровня представительства, проводивших свою работу в период всплеска регионоведческих исследований 20-х – начала 30-х гг. XX в. Среди таковых ключевую роль играло Российское общество по изучению Крыма (РОПИК) [1, 197-202]. РОПИК – общественная организация, объединявшая в своих рядах авторитетный круг советских ученых и организаторов науки 20-х гг. XX в., краеведов-энтузиастов, популяризаторов крымско-ведческих знаний. Научное общество, созданное на волне бума краеведческих исследований, смогло интегрировать в своей деятельности традиции столичных научных школ и новые методологические приемы организации регионоведческих исследований.

Одним из приоритетных направлений деятельности РОПИК стало изучение истории Крыма по сохранившимся памятникам материальной культуры, в частности – архитектуры. В этом отношении членами РОПИК были затронуты и исследованы два интересных и самобытных периода истории полуострова – средневековый и имперский.

Первый обозначенный хронологический период стал предметом масштабных экспедиционных исследований. В августе-сентябре 1926 г. по направлению Главнауки НКП РСФСР в Крым для исследований средневековой архитектуры крымских татар прибыл сотрудник Центральных государственных реставрационных мастерских, член Правления РОПИК Борис Николаевич Засыпкин (1891-1955). В его задачу входило комплексное изучение памятников древней крымскотатарской архитектуры. Результатом экспедиции стал исчерпывающий на то время очерк «Памятники архитектуры крымских татар», опубликованный в журнале «Крым» [2]. Ход экспедиции Б.Н. Засыпкина впервые подробно представлен в диссертационном исследовании и публикациях кандидата исторических наук, директора Центра историко-краеведческих исследований и свода памятников Украины по АРК А.В. Хливнюка [3-5].

Анализ, предпринятый Б.Н. Засыпкиным, распространялся на основные исторические формы архи-

тектуры крымских татар – дюрбе (мавзолеи), мечети, медресе, караван-сарай, бани (хамам). Основное внимание автор уделил особенностям крымских дюрбе, дав им общую характеристику, определив основные материалы, использовавшиеся для их постройки, этапы строительных работ. Б.Н. Засыпкин констатировал, что на начальном этапе в XII-XIII вв. главную роль в строительстве погребальных сооружений крымскотатарской знати играли не татарские мастера, а привлеченные итальянские колонисты, турецкие зодчие и армянские переселенцы. Для подтверждения своих наблюдений ученый приводил комплекс дюрбе из местности Азис в окрестностях Бахчисарая. Всего было исследовано 4 дюрбе, принадлежавших представителям высшего слоя крымскотатарского общества – членам ханской семьи. Данные сооружения датированы Б.Н. Засыпкиным XIV вв. [2, 114-120].

Далее в очерке предпринимается оригинальная классификация крымскотатарских средневековых мечетей – автор подразделял их на купольные и базиличные. Памятники первого вида Б.Н. Засыпкин разделял по принадлежности к двум периодам татарского искусства. Первый – XIV-XV вв. – характеризовался тесной связью с искусством Армении, сельджукской Турции и Египта, что согласуется и с концепцией И.Н. Бороздина, проводившего свои исследования в Крыму одновременно. В качестве примеров данного периода приводились исследованные экспедицией Всесоюзной научной ассоциацией востоковедения купольные мечети Узбека и Куршум-Джами в Старом Крыму и мечеть в Судаке, исследованная автором очерка [2, 130-139].

Второй период развития татарского искусства, согласно анализу Б.Н. Засыпкина, относился к XVI в., и характеризовался значительным османским влиянием. Самыми выразительными памятниками этого типа автор называл купольные мечети султана Селима в Феодосии, Хан-Джами хана Девлет-Гирея в Евпатории и мечеть в селении Колечь близ Феодосии [2, 140-146].

Время появления в Крыму базилических мечетей автор ограничивал XIV-XV вв. и связывал это с влиянием византийских и генуэзских строительных традиций. Эти памятники также имели в своем облике черты влияния как первого, так и второго периодов развития татарского искусства. В качестве соответствия первому периоду Б.Н. Засыпкин приводил базиличные мечети Текие-Хан Джамии и Шор-Джами в Карасубазаре, второму – мечеть Ешиль-Джами в Бахчисарае [2, 146-154].

Обзорному анализу в очерке Б.Н. Засыпкина подверглись средневековые минареты, медресе, караван-сарай, бани и фонтаны, бывшие неотъемлемой частью архитектурного облика центров жизни татарского общества – Бахчисарая, Солхата, Карасубазара [2, 154-168].

В заключение своей работы Б.Н. Засыпкин констатировал необходимость новых исследований в области изучения татарского архитектурного искус-

ства, настаивал на недопустимости игнорирования культурного наследия народов, подвергшихся значительной внешней этнической экспансии (перенятые обычаи, язык, вера и т. д.) со стороны крымских татар – крымчаков и караимов [2, 168].

Содержательные очерки, посвященные помещичьей колонизации Крыма конца XVIII – первой половины XIX вв. и истории создания дворянских усадеб, были написаны директором Алушкинского дворца-музея Сергеем Дмитриевичем Ширяевым (1898 –?). В статье «Помещичья колонизация и русские усадьбы в конце XVIII и первой половине XIX века» [6] представлен сводный очерк процесса заселения горной части и южного берега Крыма после присоединения полуострова к Российской империи. Автор выделил два периода колонизации – первый охватывал время с 1783 г. до середины 20-х гг. XIX в. и характеризовался широким содействием русского правительства и медленным темпом развития самого процесса колонизации. По мнению С.Д. Ширяева, объяснялось это изолированным положением Крыма в отношении «русских областей с развитым помещичьим хозяйством», которые в свою очередь могли стать источником для иммиграции в Крым. Вместе с тем исследователь отмечал, что в начале XIX в. заселение Новороссии значительно продвинулось и это стало двигателем помещичьей иммиграции в Крым. Второй период помещичьей колонизации С.Д. Ширяев ограничивал серединой 20-х гг. – серединой 50-х гг. XIX в. Данное время исследователь характеризовал как расцвет «усадебной культуры», сосредоточившейся в поместьях Южного берега Крыма. События Крымской войны прервали процесс помещичьей колонизации Крыма, и только с середины 60-х гг. XIX в. начался новый подъем крымских усадеб и поместий. Целью своего исследования С.Д. Ширяев определил обзор содержания процесса колонизации за семь десятилетий и выявления условий и причин этого социального движения. Источником колонизации Крыма ученый определял пожалованные императорской властью земельные наделы. Расчет правительства состоял в привлечении помещиков к созданию крупных хозяйств на территории полуострова и на инкорпорации вновь приобретенных земель в экономическое пространство империи. Планировалось также привлечение государственных крестьян к этому процессу. Анализируя опубликованные источники, С.Д. Ширяев называл одним из пионеров помещичьей колонизации князя Григория Александровича Потемкина. Уже в 80-х гг. XVIII в. в его имениях – Кишлавском, на реке Каче и в Судаке – были построены усадьбы и разбиты виноградники в окрестностях Судака. Среди соседей Г.А. Потемкина С.Д. Ширяев называл академика П.С. Палласа, принца Нассау-Зигена, адмирала Н.С. Мордвинова (владел имением Суук-Су, деревней Эльбузлы и виноградниками). Деятельность по организации виноградников в Судакском регионе, а также полевые работы в долинах

Качи и Бельбека заложили развитие этих районов, как пионеров винодельческой отрасли в Крыму. К 1825 г. Судакский регион уже был активно заселен русскими помещиками. В подтверждение этого С.Д. Ширяев приводит мнение русского драматурга А.С. Грибоедова, посетившего Судак в 1825 г. во время своего путешествия в Крым, и увидевшего там «веселые домики помещиков». Вместе с тем С.Д. Ширяев отмечал, что «Южный берег до конца первой четверти XIX века оставался почти недоступным для помещичьей колонизации» за исключением районов Массандры, Фороса и Лимен, связанных с активностью принца Нассау-Зигена и Г.А. Потемкина [6, 169-172].

Среди примеров помещичьих хозяйств Крыма С.Д. Ширяев выделял имение таврического губернатора А.М. Бороздина Саблы, латифундии генерал-губернатора Новороссии М.С. Воронцова в Мартыане, Ай-Даниле, Гурзуфе и Алушке, А.С. Голицыной в Кореизе, А.Н. Голицына в Гаспре, Л.А. Нарышкиной в Мисхоре, Л.С. Потоцкого в Ливадии. 30-е гг. XIX в. определяются С.Д. Ширяевым как пик распространения помещичьих усадеб на Южном берегу Крыма. Экономическое развитие южнобережных поместий определялось основанием винодельческих хозяйств, разведением фруктовых садов, оливковых рощ, однако две последние статьи хозяйствования не имели промышленного характера. С.Д. Ширяев также указывал, что неразвитость классического помещичьего хозяйства в Крыму объяснялась общим настроением романтизма, распространенного в кругах российской аристократии в 20-х – 30-х гг. XIX в. и представлявшего усадьбы как «сельские резиденции», а не как пункты экономической активности [6, 176-181]. В общем выводе своей статьи С.Д. Ширяев отмечал, что период 20-х – 40-х гг. XIX в. стал основополагающим в развитии помещичьего хозяйства в Крыму, в течение которого были заложены основы развития сельскохозяйственных спецкультур на Южном берегу Крыма, созданы шедевры архитектурного мастерства в рамках строительства дворянских усадеб, в которых на правах хозяев и гостей концентрировались представители элиты российского аристократического общества, внесшие заметный вклад в развитие культуры и распространение научных знаний о Крыме [6, 186].

Специальный очерк С.Д. Ширяева «Усадебная архитектура Крыма в 1820-1840 гг.» [7] был посвящен более узким профессиональным особенностям архитектурного стиля крымских усадеб. Эта работа может считаться логичным продолжением очерка, посвященного помещичьей колонизации Южного берега Крыма. Автор подробно проанализировал общую творческую атмосферу рассматриваемого в исследовании периода, сформулировал основные черты архитектурных стилей и приемов, характерных для европейской архитектуры в целом и специфики ее проявлений в Российской империи в частности. Профессиональному анализу в очерке были подвергнуты творческое

наследие следующих иностранных архитекторов, творивших во второй четверти XIX в. в Крыму: Э. Блора, В. Гунта, К. Шинкеля, А. Штакеншнейдера, Ф. Эльсона, К. Эшлимана. Основными эталонными объектами для примера С.Д. Ширяев выбрал наиболее масштабные строительные проекты 30-40-х гг. XIX в. в Крыму – Алушкинский дворец графа М.С. Воронцова и императорский дворец в Ореанде. Помимо описания истории постройки этих сооружений, автор очерка остановился и на специальных архитектурных особенностях каждого памятника, проследил связи крымских дворцовых построек с аналогичными образцами архитектуры Петербурга и его пригородов.

Таким образом можно считать, что члены РОПИК Б.Н. Засыпкин и С.Д. Ширяев в середине 20-х гг. XX в. провели масштабные и исчерпывающие на тот период развития памятниковедения исследования по истории крымской архитектуры средневекового и имперского периодов. Публикации результатов штудий ученых на страницах журнала РОПИК «Крым» стали наиболее полными и научно обоснованными по широте привлеченных источников и уровню научного анализа, создали базу для дальнейших исследований по теме изучения прошлого крымской архитектуры.

Ссылки

1. Непомнящий А.А. Арсений Маркевич: Страницы истории крымского краеведения / А.А. Непомнящий. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2005. – (Библиография крымоведения; Вып. 3). – 432 с.
2. Засыпкин Б.Н. Памятники архитектуры крымских татар / Б.Н. Засыпкин // Крым. – 1927. – № 2 (4). – С. 113-168.
3. Хлівнюк О.В. Охорона культурної спадщини в Криму (1887 – 1941 рр.) / О.В. Хлівнюк. – Автореф. дисс. ... канд. іст. наук / 26. 00.05. – музеєзнавство; Пам'яткознавство; Центр пам'яткознавства НАНУ. – К., 2009. – 20 с.
4. Хлівнюк А.В. Центральные государственные реставрационные мастерские и охрана памятников в Крыму / А.В. Хлівнюк // Охрана и изучение памятников истории и культуры в Крымской АССР: Исследования и документы / Авт.-сост. А.В. Хлівнюк. – Симферополь: СГТ, 2008. – С. 9-40.
5. Хлівнюк А.В. Неизвестные страницы памятничкоохранительной работы в Крыму в 20-е – начале 30-х гг. XX в.: По материалам архивов Москвы и Санкт-Петербурга / А.В. Хлівнюк // Историческое наследие Крыма. – 2007. – № 17. – С. 9-29.
6. Ширяев С.Д. Помещичья колонизация и русские усадьбы в Крыму в конце XVIII и первой половине XIX века / С.Д. Ширяев // Крым. – 1927. – № 2 (4). – С. 169-186.
7. Ширяев С.Д. Усадебная архитектура Крыма в 1820-1840 гг. / С.Д. Ширяев // Крым. – 1928. – № 2 (8), вып. II. – С. 72-102.

Сеvast'янов О.В. Матеріали по історії кримської архітектури в науковій спадщині Російського товариства з вивчення Криму (1922-1932 рр.)

На підставі аналізу публікацій членів Російського товариства з вивчення Криму Б.М. Засыпкіна та С.Д. Ширяєва презентуються авторські концепції, сформульовані у 20-х рр. XX ст., присвячені історії розвитку кримської архітектури середньовічного та імперського періодів. Вказані закономірності співіснування архітектурних стилів та запозичень, залежність розвитку архітектури від специфіки економічного потенціалу та рівня розвитку різних форм хазайнування.

Sevastjanov A. V. Materials on stories of the Crimean architecture in the scientific heritage of the Russian society on studying of Crimea (1922-1932)

On the basis of the analysis of publications of members of the Russian society on studying of Crimea B. N. Zasyplin and S. D. Shiryayev author's concepts of 20th XX the century devoted stories of development of the Crimean architecture during the medieval and imperial periods are represented. Laws of coexistence of architectural styles and loans, dependence of development of architecture on specificity of economic potential and a level of development of various forms of managing are shown.

Д.А. Ломакин

БАХЧИСАРАЙСКИЙ ДВОРЕЦ-МУЗЕЙ ТЮРКО-ТАТАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ИССЛЕДОВАНИЕ МУСУЛЬМАНСКИХ ПАМЯТНИКОВ XIII-XV ВЕКОВ В СТАРОМ КРЫМУ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 20-Х ГОДОВ XX ВЕКА)

Статья посвящена анализу роли Бахчисарайского дворца-музея тюрко-татарской культуры в изучении комплекса памятников истории и архитектуры XIII – XV веков в Старом Крыму. Рассмотрена организация экспедиции 1928 года под руководством У.А. Боданинского, детально описан ход археологических работ на территории древнего Солхата и, частично, за его пределами. Также в статье подведены итоги экспедиционных работ, предпринята попытка анализа значения этих работ для воссоздания истории Крымского улуса Золотой Орды.

В связи с развернувшейся в Крымской АССР в 20-е годы XX века политики татаризации, значительные средства и внимание научных сил привлекалось к исследованию древней столицы Крымского улуса Золотой Орды города Солхата (современное название – Старый Крым). В 1925 и 1926 годах были проведены экспедиции Всесоюзной научной ассоциации востоковедения под руководством профессора И.Н. Бороздина [5; 6; 7; 8; 9]. Продолжили исследование древнего города сотрудники Центральных государственных реставрационных мастерских Б.Н. Засыпкин [11; 12; 13] и И.Э. Грабарь [10]. Ученым удалось собрать интереснейший материал, но он не позволял в полной мере ответить на существовавшие к тому времени

**Усейн Абдурафиевич Боданинский (слева),
Николай Львович Эрнст (по центру),
Павел Иванович Голландский**

вопросы раннесредневековой истории Старого Крыма. Требовалось логическое завершение ранее проделанных экспедиционных работ, что и было предпринято силами местных краеведов.

В августе 1928 года У.А. Боданинский совместно с О.Н.-А. Акчокраклы и Н.Л. Эрнстом предложил работу по фиксации, изучению и реставрации памятников крымскотатарской старины. Об этом свидетельствуют сохранившиеся акты «Об осмотре исторических памятников города Карасу-Базара» от 8 августа и Старого Крыма от 10 августа 1928 года [15, 157].

Члены экспедиции, к которым в Старом Крыму присоединился архитектор П.И. Голландский (ему было поручено проведение ремонтно-реставрационных работ [2]), при осмотре территории раскопок руин древнего медресе рядом с мечетью Узбека с целью фиксации состояния памятника перед продолжением работ по его расчистке отметили следующее.

1. Раскопаны до фундамента вдоль восточной стены здания следующие участки-квадраты (по разбивке генерального плана): 7 N, 8 N, 9 N, 10 N, 11 N, 12 N, комната на участке 7.0 и смежных, участках 8.0, 9.0, 10.0, 11.0, 12.0, 8 P, 10 P, 11 P, 12 P, 8 Q, 9 Q, 10 Q, 11 Q, 12 Q, а также узкая траншея вдоль всей восточной внешней стены здания.

2. Вдоль западной стены здания к моменту осмотра были раскопаны следующие участки: комната на участке 6 C и смежных раскопана ниже уровня пола до разных глубин в разных местах, большая комната-ниша западной стены на участке 9 C, 9 D и 9 E и смежных раскопана до пола, комната на участке 12 C и смежных раскопана до перекрытия sklepa, а также раскопан самый skleп, раскопаны узкие траншеи вдоль внутренних стен западного комплекса здания на участке 11 E, 5 E, 6 E, 7 E, а также узкая траншея вдоль всей западной наружной стены здания.

3. В северо-западном углу здания узкими траншеями нащупаны стены коридора и двух комнат.

4. Раскопана траншея по участкам 12 E, 12 F, 12 G, 12 H, 12 J 12 K, 12 L, 12 M и траншея по участкам 13 L, 14 L, 15 L в северной нише двора, обе до каменной вымостки двора и ниши.

Откопанные массивы здания с архитектурными профилями в верхней части по швам были промазаны жирной глиной с примесью резаной соломы, что предохраняло их от разрушения. «Дурбе-мавзолей в северо-западном углу территории перекрыт деревянным сооружением с двухскатной крышей для предохранения этой части здания от вод. Края всех траншей сильно осыпались, так что верхние обрезы отступили от нижних на 0,51-1,00 м. Расчищенные части, как, например, плиточный пол, покрыты землей, мусором, сорной травой и бурьяном, также как и поверхность нерасчищенной части памятника. Вдоль всей расчищенной части восточной стены на небольшом расстоянии от нее вне здания навалена